

0335

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Линн Рэй Харрис

СУПРУГ-НЕЗНАКОМЕЦ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Линн Рэй Харрис
Супруг-незнакомец
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 335

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6136508
Супруг-незнакомец; Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04442-6*

Аннотация

Овдовевший два года назад принц Адан аль-Дакир оказался единственным наследником престола после своего дяди. По законам Джафара, чтобы короноваться, Адану необходимо жениться вновь, к тому же его двухлетнему осиротевшему сыну нужна любящая мать. Неожиданное известие о том, что его жену, пропавшую в песках пустыни, видели живой, заставляет Адана изменить свои планы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Линн Рэй Харрис

Супруг-незнакомец

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

– ...Вероятность того, что она жива.

Адан оторвался от бумаг, которые секретарь принес на подпись. До этого он лишь краем уха слушал доклад чиновника. Две недели назад умер дядя Адана, предстояла коронация, и подготовка требовала много усилий. Часто приходилось делать несколько дел одновременно.

– Повторите, – приказал он и замер в напряженном ожидании.

Говоривший вздрогнул от взгляда Адана. Он наклонил голову и продолжал речь, глядя в пол:

– Простите, ваше величество. Я сказал, что в рамках подготовки к вашему предстоящему бракосочетанию с Жасмин Шади мы должны изучить все поступающие сведения относительно вашей покойной жены, поскольку ее тело так и не было найдено.

– Ее так и не нашли, потому что она ушла в пустыню, Хаким, – мягко сказал Адан, но в его голосе сквозила нотка раздражения. – Изабелла похоронена под горами песка.

Его терзала печаль о сыне. Адан потерял жену, но его больше всего беспокоило то, что Рафик потерял мать. Их брак был заключен по сговору. И хотя он надеялся, что Изабелла не мучилась перед смертью, он не испытывал сильных эмоций по поводу ее гибели.

Изабелла Маро была красива, но более ничем не примечательна. Тихая, милая девушка, отлично подходившая для роли, к которой обязывало ее будущее положение. И пусть в то время Адан не был наследником престола, из нее, несомненно, вышла бы прекрасная, но бесцветная королева.

Это была не ее вина. Она была наполовину американкой, но отец воспитал ее в джафарских традициях. Адан не мог забыть, как, впервые увидев ее незадолго до свадьбы, спросил, чего она хочет от жизни. Изабелла сказала, что хочет того же, чего и он.

– Есть сведения, что ее видели живой, ваше величество.

Адан облокотился о стол. Ему нужно было почувствовать опору, напоминающую, что он не в бреду ночного кошмара. Для того чтобы взойти на престол, нужна жена. Жасмин Шади должна была стать отличной женой, и свадьба с ней предстояла через две недели. В его жизни не было места призрак-у Изабеллы.

– Видели живой, Хаким?

Хаким сглотнул. Его смуглая кожа заблестела от пота, хотя дворец уже давно был оборудован по последнему слову техники, и кондиционеры работали исправно.

– Шариф аль-Омар, конкурент по бизнесу Хасана Маро, недавно вернулся из поездки на остров Мауи. Он утверждает, что там в одном баре есть певица, называющая себя Беллой Тайлер, которая похожа на вашу жену, сэр.

– Певица в баре? – Адан глядел на чиновника с минуту,

прежде чем разразиться смехом. Невозможно. Никто еще не выживал в обжигающей джафарской пустыне, если не был подготовлен для этого.

А Изабелла не была подготовлена. Она ушла одна в самую дикую глушь Джафара посреди ночи. Песчаная буря на следующий день уничтожила все следы.

– Хаким, я думаю, мистеру аль-Омару нужно сходить к доктору. Очевидно, гавайское солнце еще более губительно, чем наше джафарское.

– Он сделал снимок, сэр. Адан похолодел.

– Вы принесли его?

– Да, сэр. – Хаким раскрыл папку.

Махмуд, секретарь, взял папку с фотографией и положил перед Аданом. Он поколебался лишь мгновение, прежде чем перевернуть обложку. Адан смотрел на фотографию так долго, что изображение начало расплываться. Это не могла быть она, но все же...

– Отмените все мои встречи на ближайшие три дня, – сказал он наконец. – И позвоните в аэропорт, чтобы приготовили мой самолет.

Вечером бар был забит битком. И туристы, и местные жители переполняли его и размещались еще дальше, снаружи, на открытом пространстве пляжа. Солнце уже начало тонуть в океане, и небо заблестело золотом, когда Изабелла взошла на сцену. Солнце здесь заходило быстро – Изабеллу удиви-

ло это, когда она только оказалась на острове, – и едва оно закатилось, небо стало розовым, а облака окрасились в пурпурный и красный цвета в его последних лучах. Это было величественное зрелище, которое всегда заставляло ее сердце сладко ныть и в то же время наполняло ощущением покоя. Она привыкла к меланхолии, хотя и не знала, в чем ее источник. Временами она чувствовала, будто какая-то часть ее была потеряна, хотя она и не знала какая.

Пение заполняло эту пустоту, пусть лишь на короткое время.

Изабелла закрыла глаза и начала петь, растворяясь в ритме и звуках музыки. На сцене она была Беллой Тайлер, и Белла полностью владела собой и своей жизнью.

В отличие от Изабеллы Маро.

Она переходила от одной песни к другой, звук ее голоса обволакивал каждое слово, точно лаская его. Огни рампы нагревали сцену, но она привыкла к жаре. На ней были бикини и саронг, национальная одежда островитян, хотя Белла почти не исполняла островных песен. Веки опускались, будто под тяжестью макияжа. Приходилось ярко краситься, потому что в лучах рампы на сцене обычный макияж не смотрелся бы.

Длинные волосы больше не были собраны в гладкий пучок, который Белла когда-то носила. Они были тяжелее, светлее и непослушно торчали от морской воды и солнца. Отец, несомненно, был бы в ужасе не только от ее причес-

ки, но и от нескромности наряда. Белла улыбнулась, думая о его реакции. Мужчина в первом ряду улыбнулся в ответ, приняв улыбку на свой счет. Она не возражала: это было частью представления, частью личности Беллы Тайлер.

Вот только Белла не пошла бы домой в компании этого мужчины. Или любого другого. Почему-то у нее было ощущение, что это неправильно. Это ощущение появилось с тех пор, как она приехала в Штаты. Она теперь свободна от необходимости соответствовать чужим ожиданиям, свободна от чувства долга, которое воспитал в ней отец. И все же она не могла отмахнуться от мысли, что должна сохранять себя для кого-то.

– Белла Тайлер, леди и джентльмены, – объявил гитарист, когда она закончила петь.

Бар взорвался аплодисментами.

– Спасибо! – сказала Белла, заправляя прядь непослушных волос за ухо. – А сейчас небольшой перерыв.

Сойдя со сцены, она взяла из рук Гранта, менеджера клуба, стакан с водой и удалилась в глубь бара передохнуть. Она вошла в комнату, которую едва ли можно было назвать примерной, но именно здесь она хранила свои вещи и гримировалась. Изабелла устало опустилась на стул и положила босые ноги на бамбуковый чемодан, служивший ей столиком.

Приглушенные голоса и смех долетали до нее сквозь тонкие стены. Изабелла откинула голову и приложила стакан к ключице. Он приятно охлаждал тело. Капельки влаги стекали

между ее грудей.

Через несколько секунд послышалось движение в коридоре, а потом кто-то остановился в дверях. Она почувствовала, что больше не одна в этой маленькой комнате. Однако это была не официантка и не кто-либо из музыкантов. Этот человек не пошевелился с тех пор, как она впервые ощутила его присутствие.

Был ли посетитель все еще здесь, или ей показалось?

Изабелла открыла глаза. В дверях с мрачным видом стоял мужчина. От паники у нее перехватило дыхание, так что она не могла ни вскрикнуть, ни сказать что-либо. Сначала Изабелла обратила внимание лишь на то, что посетитель был высоким и крепким, он закрыл собой весь дверной проем. Но затем она начала вглядываться.

Холод прошел по спине, когда она поняла, что это – джафарец. Темные волосы, пронизывающий взгляд черных глаз и кожа, загоревшая под беспощадным солнцем пустыни. Хотя он был одет в темно-синюю рубашку и брюки цвета хаки, а не в традиционную дишдашу, у него был вид человека пустыни, закаленного трудностями, живущего вдали от цивилизации. Изабелла ощутила, как страх волной затопил ее, она ослабла и на время утратила способность двигаться.

– Ты расскажешь мне почему, – жестко сказал мужчина.

Изабелла непонимающе заморгала.

– Почему? – повторила она, поднявшись. Незнакомец был так высок, что ей приходилось поднимать голову, чтобы

взглянуть ему в лицо. Этот человек был ужасно рассержен.

И она тому причиной.

Взгляд мужчины скользнул по ее телу. Когда его глаза снова встретились с глазами Изабеллы, в них было отвращение.

– Посмотри на себя, – сказал он. – Ты выглядишь как проститутка.

Изабелла почувствовала, как в ней закипел гнев. Она гордо подняла голову и окинула его таким же оценивающим взглядом, каким до этого он окинул ее. Это было невежливо по джафарским традициям, но ей было наплевать. Она ничего не должна этому человеку.

– Не знаю, кем ты себя возомнил, но тебе лучше побыстрее убраться из моей примерной, а свое мнение оставить при себе!

Выражение его лица стало непроницаемо холодным.

– Не пытайся играть со мной, Изабелла.

Она сделала шаг назад. Сердце забилося с невыносимой частотой. Он назвал ее настоящее имя, и это ее потрясло, хотя, может, и не должно было. Очевидно, он знает ее отца и каким-то образом узнал ее. Возможно, они встречались на одном из деловых мероприятий ее отца.

Но она не узнавала его. И была уверена, что такого мужчину она бы не забыла, если бы встречала.

– Зачем мне играть с тобой? Я даже не знаю тебя.

Его глаза сузились.

– Я узнаю, как ты очутилась здесь. И я узнаю это немед-

ленно!

Изабелла удивилась. Как он смеет допрашивать ее?

– Узнай, раз ты такой смышленный.

Незнакомец сделал шаг и оказался в комнате, заняв собой почти все ее пространство.

Изабелле захотелось отстраниться от него, но было некуда. Однако она не желала отступать перед этим человеком.

– Ты не могла сделать это в одиночку. Кто помогал тебе?

Изабелла запнулась.

– Я...

– Белла, у вас все в порядке?

Взгляд Изабеллы обратился на Гранта, стоявшего в дверях. Он всем своим видом показывал, что гостю здесь не рады.

Изабелла могла поклясться, что это не сработает. Джафарец в ответ уставился на Гранта суровым и жестким взглядом. Драка – это то, чего бы ей меньше всего хотелось. Она знала, что Грант встанет на ее защиту, но она и не сомневалась, что победа будет не на его стороне. В этом человеке было что-то непреклонное.

– Грант, все нормально. Этот джентльмен как раз собирался уходить.

– Нет, я не собирался. – У незнакомца был безупречный английский. Тон и выражения выдавали в нем человека из состоятельной семьи. Джафарская элита часто посылала своих сыновей учиться в Великобританию.

– Вам лучше уйти, – сказал Грант. – Белле нужно отдохнуть перед вторым отделением.

– Да, в самом деле, – согласилась женщина.

Незнакомец повернулся к Изабелле, и она снова почувствовала себя словно под лучами рентгена.

– Сожалею, но она не вернется на сцену. Изабелла поедет со мной.

Ярость охватила ее.

– Я не собираюсь...

Он железной рукой схватил ее запястье. Это был крепкий и надежный захват. Словно он был вправе ею распоряжаться.

Изабелла вздрогнула от этого прикосновения и застыла на месте. Дрожь пробежала по ее телу. Прикосновение было знакомым. Она ощутила жар, желание и в то же время такую грусть, что на глаза навернулись слезы. Она замерла без движения, пытаясь осознать происходящее.

– Эй! Отпусти ее! – потребовал Грант.

В тот же момент Изабелла очнулась от замешательства:

– Кто ты такой?

По лицу незнакомца пробежала тень, а затем выражение снова стало жестким.

– Ты думаешь, я поверю, будто ты не знаешь?

Гнев и отчаяние охватили Изабеллу. Он ее ненавидел, а она не имела ни малейшего представления почему. Изабелла с силой отдернула руку и освободилась. Она обхватила себя, словно защищаясь. Ее разрывали гнев и печаль, отчаяние и

замешательство.

Грант пошел за вышибалой. Они вот-вот вернутся и выкинут заносчивого незнакомца вон из бара. Это будет приятное зрелище.

– Конечно, я тебя не знаю, – бросила она.

– Напротив! – прорычал он. Его глаза сверкали. – Ты меня прекрасно знаешь.

В этом голосе была такая уверенность, что ее сердце отчаянно забилося. Да он же безумен! Он великолепен, но совершенно безумен!

– С чего ты это взял?

– С того, – его голос дрожал от плохо скрываемой ярости, – что ты – моя жена.

Глава 2

Она уставилась на него, хватая воздух ртом, словно пораженная ударом грома. Он бы мог поверить ее потрясению, если бы не знал, что оно невозможно. Адан криво усмехнулся. Кто мог подумать, что Изабелла Маро окажется такой прекрасной актрисой? Никогда он за ней такого не замечал. А может быть, просто недостаточно внимательно к ней относился. Ведь она всех обвела вокруг пальца. И он был полон решимости выяснить, почему она это сделала. Изабелла не могла действовать в одиночку, в этом он был уверен. Были ли у нее любовник, который помог бежать? От этой мысли Адан похолодел.

Какая жестокая женщина! Она бросила своего маленького сына, обрекла его расти без матери. Адан ненавидел ее за это.

И он ненавидел себя за то чувство, которое волновало его кровь при взгляде на нее. Да, это был гнев, но было и кое-что еще. Его взор скользил по ее почти обнаженному телу. На ней был красный купальник бикини и юбка-саронг с тропическим орнаментом, повязанная вокруг бедер. Сквозь тонкую ткань лифа проступали соски, приковывая к себе его внимание. Он вспомнил, хотя и не хотел, нежную прелесть ее груди, ее тугие соски, окруженные розовым ореолом. Он вспомнил ее стыдливость в первую брачную ночь и то, как

быстро она привыкла к нему, с какой радостью отдавалась ему весь месяц их страстных ночей.

Он перестал приходить к ней, когда она забеременела. Не потому, что расхотел ее, а потому, что она очень плохо себя чувствовала и не могла заниматься сексом.

– Твоя жена? – Она решительно покачала головой. – Ты ошибаешься.

В коридоре послышались тяжелые шаги. В комнате снова появился мужчина, которого она называла Грантом, а с ним вошел крупный, высокий самоанец.

– Еще раз прошу вас уйти, – сказал Грант. – Макуна проводит вас до выхода.

Адан смерил их презрительным взглядом. Снаружи его ждали шестеро охранников. Он приехал с ними не потому, что предвидел какие-то неприятности. Просто главе государства не полагалось путешествовать без охраны. Стоит только подать сигнал, и они ворвутся сюда с оружием. Ему не хотелось бы доводить до этого, но уходить отсюда без своей жены он не собирался.

– Ладно, Грант. Я поговорю с ним еще немного.

Грант выглядел смущенным, затем подал знак Макуне. Они исчезли в коридоре, и Адан снова остался наедине с Изабеллой.

– Мудрое решение, – заметил он.

Она опять опустилась в кресло. Ее пальцы слегка дрожали, когда она убирала с лица прядь темно-золотых волос.

Взгляд, полный замешательства, снова остановился на Адане.

– Почему ты утверждаешь, что я – твоя жена? Я никогда не была замужем.

Ярость снова зашевелилась в нем.

– Ты можешь это отрицать, если хочешь, но правду ты этим не изменишь.

Она нахмурилась:

– Я даже не знаю, как тебя зовут.

Он не сразу поверил своим ушам.

– Адан. – Спорить было бесполезно, она продолжала настаивать на своей выдумке.

– Адан, – повторила она. – Я покинула Джафар уже очень давно. Я думаю, что я бы запомнила своего мужа, если бы он у меня был.

– Хватит играть в эти игры, Изабелла! – прорычал Адан. – Ты что, впрямь думаешь, что я поверю, что ты меня не помнишь?

Она снова нахмурилась:

– Я этого не говорила. Я сказала, что не знаю тебя. Я думаю, ты перепутал меня с кем-то. Мужчины часто пытаются приблизиться ко мне с помощью этой уловки. Они видят меня на сцене и думают, что меня легко подцепить. Но это не так. Ясно?

Адану захотелось схватить ее за плечи и встряхнуть.

– Ты – Изабелла Маро, дочь Хасана Маро и американки,

Бет Тайлер. Почти три года назад мы поженились. Два года назад ты ушла в пустыню, и с тех пор тебя больше не видели.

У него не хватило духу упомянуть Рафика. Не сейчас, когда она с такой очевидностью пытается заморочить ему голову.

Она застыла с ошеломленным, непонимающим видом. А затем замотала головой:

– Нет, я...

– Что? – Он подогнал ее, потому что она не продолжала.

Она глубоко вздохнула.

– Со мной был несчастный случай, это так. Но я выздоровела. – Она прижала ладонь к губам. Адан заметил, что ее пальцы дрожат. – Да, некоторые вещи для меня до сих пор как в тумане, но... – Она покачала головой. – Нет, кто-нибудь сказал бы мне!

Им овладело ледяное спокойствие.

– Кто-нибудь? Кто мог бы тебе сказать, Изабелла? Кто знает, что ты здесь?

Она снова подняла глаза и взглянула на него:

– Мои родители, разумеется. Отец отправил меня к матери, чтобы я могла окончательно выздороветь. Доктор сказал, что мне нужно уехать из Джафара, что его климат слишком жаркий для меня, слишком угнетающий.

Адан был в бешенстве. Он не мог в это поверить: неужели ее родители знали, что она жива?!

И все же с момента исчезновения Изабеллы он виделся с

Хасаном Маро считанные разы. Хасан Маро проводил гораздо больше времени за границей, чем в Джафаре. Адан приписывал это делам бизнеса и горю из-за потери единственной дочери. Но что, если причина была не только в этом? Что, если Маро что-то скрывал? Могло ли быть, чтобы Хасан помог своей дочери бежать, хотя до этого он сделал все, чтобы организовать их брак?

Адан покачал головой. Нет. Она лгала, играла с ним, потому что была загнана в угол. Она выжила в пустыне, и не могла сделать этого без чужой помощи.

– Я никогда не слышал о такой избирательной амнезии, Изабелла, – процедил он. – Как это может быть, что ты помнишь своих родителей, Джафар и не помнишь меня?

– Я не говорила, что страдаю амнезией! – вскричала она. – Это твои слова!

– А как ты назовешь то, что описываешь? Ты помнишь, кто ты и откуда, но не помнишь своего мужа, которого оставила?

– Мы не женаты! – настаивала она, но нижняя губа при этом дрожала. Это был первый знак того, что ее защита разбита.

Это усилило решительность Адана. Ей не отвертеться. Он не уйдет, пока не получит ответы на все свои вопросы и пока она не заплатит за все.

Белла обхватила себя руками и сжалась, словно от холода. От этого движения ее груди сошлись, образовав два пышных

холма. Адан ощутил, как по его позвоночнику сверху вниз прошло легкое покалывание. Нет. Адан отмахнулся от зова страсти. Он не настолько беспечен, чтобы позволить полуодетой женщине разгорячить его, зная, как она коварна. Зная, что должен ее презирать.

– Ладно, давай посмотрим с другой стороны, – сказала она, покусывая губу. – Если предположить, что ты говоришь правду, и мы действительно женаты, то где ты был, почему не приехал ко мне раньше?

– Я был в Джафаре, – ответил он. – И как тебе известно, я считал тебя погибшей.

Даже под слоем сценического грима было видно, как она побледнела.

– Погибшей?

Он устал от ее запирательства. Он миновал несколько часовых поясов, добираясь до Гавайев, провел бессонную ночь, пытаясь понять, правда ли, что женщина на фотографии, с томным взглядом стоящая у микрофона, – его жена. Он повторял самому себе, что это невозможно. Но потом он вошел в этот бар, увидел ее на сцене, такую знакомую и такую чужую одновременно, и понял правду.

Он устал быть вежливым.

– Ты ушла в пустыню, Изабелла. Никто не знает, что было с тобой после, но ты не вернулась. Мы искали тебя несколько месяцев.

Она замотала головой:

– Это безумие, полное безумие!

– Да? – Адан подхватил ее под руку и поднял из кресла.

Белла поднялась удивительно легко. Он постарался не заметить ощущения, похожего на электрический разряд, которое охватило его, когда он дотронулся до ее кожи.

Она взглянула на Адана. Ее темные с поволокой глаза выдавали бурю чувств.

– Я не помню. Нет, его этим не проймешь.

– Собирай вещи. Мы уезжаем.

Замужем. Изабелла покачала головой. Нет, это невозможно. Но холодный страх все-таки зашевелился у нее где-то в животе. Да, в ее сознании были обрывки спутанных воспоминаний, но как этот мужчина может быть их частью? Как она могла забыть собственного мужа? Нет, конечно, она не могла. И потом, зачем ее родителям скрывать это? Что ужасного могло произойти?

Был только один способ выяснить. Изабелла схватила свою сумочку и начала рыться в ней, ища свой телефон.

– Что ты делаешь? – спросил Адан.

Она наконец выудила из сумочки телефон и торжествующе подняла его. Волосы растрепались и лезли ей в глаза, липли к губной помаде, но ей было наплевать. Она знала, что выглядит как безумная. Но именно такой она себя и чувствовала. Неистойвой, сумасшедшей.

Он сказал, что она умерла, что все в Джафаре знали об этом. Но ее отец знал, что она жива, как же это могло быть?

Когда после несчастного случая она расспрашивала отца, он сказал, что ей лучше не знать подробностей. Она была в ужасном состоянии и впала в кому. Ей давали антидепрессанты и обезболивающие, и от них ее память немного помутилась. Он настаивал, что в этом нет ничего страшного.

Да уж, действительно ничего.

Ее мать ничего не знала о том, как дочь жила в Джафаре, и это было для нее типично. Бет Тайлер покинула Джафар десять лет назад, и, хотя она выглядела довольной, что дочь приехала погостить, обе почувствовали какое-то облегчение, когда Изабелла уехала.

Но если она была замужем, разве мать не знала бы об этом? Разве она не приехала бы на ее свадьбу?

Изабелла вглядывалась в суровое красивое лицо человека, который стоял рядом с ней. Вряд ли он был бы для нее чужим, если бы она знала его. Нет, ее родители не могли солгать ей в таком важном деле! У них не было для этого причин!

– Я звоню отцу, – объяснила она, набирая номер. – Он скажет мне правду.

Адан обмер, словно от пощечины.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что твой отец действительно знает, что ты здесь?

– Я только что сказала именно это, – нахмурилась она.

Он выругался по-арабски, и Изабеллу поразила грубость и богохульство этого восклицания. Она жила в Штатах уже

больше года и успела наслушаться всякой ругани. Но она не привыкла к ругательствам на арабском. В Джафаре ее оберегали от этого. Изабелла была леди. Ее воспитывали так, чтобы она смогла стать достойной женой могущественного шейха. И только несчастный случай все изменил.

Адан выхватил у нее телефон:

– Ты никуда не будешь звонить.

Изабелла попыталась забрать телефон, но он не давал ей дотянуться до него. Она сложила руки на груди и оглядела его. Пожалуй, это к лучшему.

– Значит, ты лжешь, что мы с тобой женаты. Потому что мой отец может разоблачить обман, так?

– Думай как хочешь, если тебе это нравится. – Он засунул телефон к себе в нагрудный карман.

Она отвела глаза от красивого мускулистого тела, приоткрытого вырезом его рубашки. Если бы она увидела его на пляже, то подумала бы, что он великолепен.

Но здесь, сейчас, он был холодным и жестким, и у Изабеллы не было ни малейшего повода думать о его привлекательности. К тому же он еще и лгал ей.

– Если ты не боишься разоблачения, так почему же ты не хочешь, чтобы я позвонила? – с вызовом спросила Изабелла.

– Потому что я собираюсь сам с ним разобраться, когда мы вернемся в Джафар.

Изабелла похолодела при звуке этого слова. Джафар. Пустыня. Угрюмый, суровый край, родина ее отца. Это была

и ее родина, но в ней было что-то первобытное, с чем она никогда не могла примириться. Мысль о возвращении туда разожгла в ней панику, от которой ком подступил к горлу.

– Я никуда с тобой не поеду.

Адан окинул ее взглядом:

– И что может помешать мне увезти тебя с собой, Изабелла?

– Я закричу, – сказала она, чувствуя, как сердце тревожно забилося.

– Что ты говоришь? – Он был таким холодным и самоуверенным, что страх, охвативший ее, невозможно было прогнать. Он запросто перебросит ее через плечо и утащит с собой. У него явно достаточно и силы, и дерзости, чтобы сделать это.

– Тебе не позволят забрать меня. Мои друзья мне помогут. – Она старалась говорить как можно более уверенным тоном.

Он хрипло, невесело рассмеялся.

– Пускай попробуют. Но имей в виду, Изабелла, со мной здесь моя служба безопасности. Если кто-нибудь тронет меня хоть пальцем, они воспримут это как попытку убийства. Я не могу гарантировать, что никто не пострадает.

Страх окончательно сковал Изабеллу. Он действительно был таким жестоким и холодным, каким казался.

– Неудивительно, что я не помню тебя, – с горечью проговорила Изабелла. – Ты тиран. Быть за тобой замужем – это

сущий ад, я в этом не сомневаюсь. Любая женщина предпочла бы уйти в пустыню и умереть там, чем оставаться с тобой.

Его рот превратился в узкую прямую линию.

– Было бы хорошо, если бы ты действительно так сделала. Это спасло бы меня от необходимости сейчас иметь с тобой дело.

Сердце Изабеллы сжалось, неизвестно почему. Что ей до его слов? Ведь он для нее ничего не значил, даже был ей несимпатичен.

– Если мы действительно женаты, тогда почему бы тебе не избавить нас от необходимости общаться друг с другом и не развестись со мной? Ты – мужчина из Джафара. Это в твоей власти, – сказала она так холодно, как только смогла.

«Было бы хорошо, если бы ты действительно так сделала». Эти жестокие слова все еще звучали в ее ушах. Она ничего для него не значила. Она была проблемой, вопросом, который нужно было решить. Все это было слишком похоже на ее детство, когда она чувствовала себя вещью, из-за которой родители боролись между собой после развода. Проблемой, которую они никак не могли решить. Она всегда старалась быть как можно лучше, угодить им обоим. Но все ее попытки были бесплодными.

Изабелла проглотила слезы горечи. Она больше не будет стараться угодить кому-либо, кроме самой себя.

– Если бы это было так просто! – прорычал он. – Но обсто-

ательства изменились, и нам придется вернуться в Джафар.

– Я не поеду, не получив от тебя никаких доказательств. Ты чужой человек для меня. Я тебя не знаю.

Его взгляд потяжелел.

– Каких ты хочешь доказательств? Нужно ли мне рассказать тебе, что мы встретились всего за неделю до свадьбы и что ты была испуганной и послушной, словно ягненок? Или ты хочешь услышать, что свадебные торжества продолжались три дня и стоили полмиллиона американских долларов? Или как твой отец был горд тем, что ему удалось выдать дочь за принца?

У Изабеллы похолодело внутри.

– Так ты принц?

– Был принцем, – ответил Адан, и хотя она не поняла, что он имел в виду, но не стала переспрашивать.

Изабелла вытерла влажные ладони о ткань саронга. Этого просто не могло быть. В Джафаре положение в обществе – это главное. Если бы ее отец сумел породниться с королевской семьей, он был бы необычайно горд. Он не стал бы скрывать от нее это.

– Расскажи что-нибудь обо мне, – попросила она, чувствуя, как страх и сомнения переплетаются в душе. – Скажи мне что-нибудь, что больше никто не может знать.

– Ты была девственницей.

Изабелла подавила эмоции, чтобы не покраснеть.

Была?

– Вряд ли это могло быть секретом. Скажи мне что-нибудь, что я говорила тебе. Что-то личное.

Он раздраженно развел руками:

– Что именно? Ты была не слишком разговорчивой, Изабелла. По-моему, ты однажды сказала, что твоя единственная цель в жизни – это угодить мне.

– Это просто смешно, – еле слышным голосом ответила она. Да, ее растили для того, чтобы угодить мужчине, быть образцовой женой. Но действительно сказать такое? Этому человеку?

– Ну все, хватит! – Он рубанул воздух рукой и полез в карман брюк за телефоном. – Мы уезжаем.

– Да подожди же хоть минуту! – Изабелла вскрикнула и схватила его за руку, пытаясь помешать ему набрать номер. Он не хотел слушать, но она не собиралась покорно принимать его решение.

Его запястье было горячим и таким широким, что пальцы Изабеллы не смогли обхватить его. Жар его тела передался ей. Он взглянул на нее сверху вниз, сверкая темными глазами. Его чувственный рот был сжат в твердую линию. Внезапно Изабелла подумала, что хотела бы увидеть его улыбающимся. Темная щетина оттеняла скулы. Это придавало ему такой сексуальный, соблазнительный вид, что ей захотелось дотронуться и ощутить ее жесткость на своей ладони. Взгляд его блестящих глаз задержался на ее губах, и внезапно в ее воображении возникла картина поцелуя. Это шоки-

ровало Изабеллу. Она не знала, было ли это воспоминание или всего лишь желание. Но она ощутила, что этот образ вызвал в ней истинное желание. Тело заныло от сладкой тоски, голова мягко закружилась. Ей показалось, что они простояли так уже много часов.

Он тихо выругался по-арабски, потом отдернул руку и запустил пальцы в ее мягкие волосы. Что-то со стуком упало на пол. Сердце Изабеллы забилося, словно заполнив всю грудь. Он шагнул к ней и оказался совсем близко. Изабелла хотела было отстраниться, но не смогла. Она не любила, когда мужчины пытались ею командовать.

И все же...

Перебирая в ладонях ее волосы, Адан отвел ее голову назад. Ее шея изящно изогнулась. Он был настолько выше и сильнее ее, что Изабелла должна была бы чувствовать себя уязвимой рядом с ним, но этого не было.

– Посмотрим, вспомнишь ли ты это, – глухо сказал он.

Он приблизил лицо к ней, и Изабелла закрыла глаза, не думая ни о чем. Он намеревался поцеловать ее, и она с удивлением осознала, что тоже хочет этого. Как она могла хотеть этого, если он ей даже не нравился? Но она хотела и знала, что потом будет себя проклинать за слабость.

Изабелла ждала, что их губы вот-вот встретятся, но этого не произошло. Она ощутила жесткое прикосновение поцелуя на изгибе своей нежной шеи. Это прикосновение вызвало из ее груди вздох наслаждения, охватившего все суще-

ство. Кончик его языка исследовал изгиб ее ключицы. Он потянул ее голову еще немного назад, заставляя Беллу выгнуться и прижаться к нему. Ее груди прижались к его груди, крепкой, надежной, горячей. Соски проступили сквозь тонкую ткань бикини, выдавая ее желание. Изабелла чувствовала, как смущение мешается в ней с наслаждением. Ее руки блуждали по шелку его рубашки. Она отчаянно прижималась к Адану, пока он покрывал страстными поцелуями ее шею.

И вот наконец его губы прижались к ее губам. Она открылась ему навстречу, принимая его как равного. Томление в груди было для нее новым и знакомым одновременно. Отбросив мысли о прошлом, которое, возможно, у нее было и которое она не могла вспомнить, Изабелла полностью отдалась чувству, настигнутому ее здесь и сейчас.

А здесь и сейчас он целовал ее так, как если бы она была единственной женщиной на всем белом свете.

Между ними горел огонь подлинной страсти. Неужели она могла чувствовать холод всего несколько мгновений назад? Теперь ей больше всего хотелось сорвать всю одежду, которая разделяла их, и потушить огонь, который горел в них, тем единственным способом, каким только можно было это сделать. Прижаться к нему, соединиться с ним и позволить этому пожару догореть до конца.

Если то, что он говорил, было правдой, то сколько раз они так начинали? Сколько раз теряли самих себя в объятиях

друг друга после обжигающего поцелуя? Она ничего не помнила о том, была ли она с этим мужчиной, была ли она вообще с мужчиной когда-нибудь, а вот ее тело помнило и знало.

Его рука оторвалась от ее волос и спустилась к груди. Пальцы начали мягко поглаживать ее под грудью. Изабелла сладко застонала, когда Адан нежно потрогал ее сосочек сквозь купальник. Она извивалась от удовольствия, овладевшего ею. Огонь страсти затопил Изабеллу, словно лава, такой незнакомый и такой привычный одновременно.

И тут она забеспокоилась о том, что будет дальше. Ей хотелось большего, хотелось, чтобы он утопил ее в ласках. Чтобы его тело накрыло ее, чтобы он наполнил ее изнутри. Но она не могла позволить этому случиться.

Все и так уже зашло слишком далеко. Ей вообще не следовало к нему прикасаться. Конечно, она не могла заранее знать, что случится. Однако это было то же самое, что поднести спичку к сухому труту.

Она почувствовала, что его состояние тоже изменилось, словно он тоже был смущен и обеспокоен происходящим. И прежде чем она нашла силы оттолкнуть его, он сделал шаг назад, разрывая горячее притяжение между телами.

Расставание с его губами и телом причинило ей почти физическую боль. Ей хотелось бы броситься и прижаться к нему, но она этого не сделала.

С совершенно невозмутимым видом он наклонился за своим телефоном, упавшим на ковер во время их поцелуя.

Ее губы горели, по коже бежали мурашки, дыхание было прерывистым.

– Почему ты это сделал? – спросила она охрипшим голосом.

Он взглянул на нее. Его глаза все еще горели. Красивая золотистая кожа вызывала желание прикоснуться к ней. Сколько женщин таяли под этим взглядом? Сколько из них сгорали от желания при одном взгляде на него? Сотни. Тысячи. И она в их числе.

– Потому что ты этого хотела, – ответил он.

Она было затрясла головой, не соглашаясь, но остановилась. Какой в этом смысл? Она действительно хотела, чтобы он поцеловал ее. Но теперь она узнала, что это такое, и больше не собиралась допускать подобную слабость.

– Теперь, когда все закончилось, я хочу, чтобы ты ушел, – жестко сказала она.

– Мы оба знаем, что этого не будет, Изабелла.

Она утомленно вздохнула. У этого человека явно проблемы со слухом.

– Ты не можешь принудить меня к возвращению в Джафар. Я – американская гражданка, и законы этой страны защищают меня.

Он выглядел таким элегантным, несмотря на простую одежду. И даже несмотря на то, что она покрыла его рубашку затяжками.

– И тем не менее ты поедешь.

– На это у меня нет причин, – продолжала настаивать она.

– У тебя на это миллион причин! – разорался он, больше не в силах держать себя в руках. – Ты больше не будешь такой эгоистичной, Изабелла. Ты сделаешь это ради Рафика.

Изабелла снова обхватила себя руками, чтобы унять нервную дрожь. Она устала, запуталась и хотела, чтобы все поскорее закончилось.

– Мне жаль, что ты считаешь меня эгоистичной.

Но я сказала тебе правду. Я не знаю тебя. И Рафика тоже не знаю.

Черные глаза Адана сверкали, словно драгоценные камни. Он смотрел на Изабеллу с нескрываемым презрением. Таким сердитым она его еще не видела. Свой ответ он произнес, подчеркивая каждое слово. И эти слова ворвались в ее сознание, словно песчаная буря, несущаяся по Джафару, скрывающая небо и солнце в пелене песка.

– Рафик – это наш сын.

Глава 3

Персональный самолет Адана был роскошно отделан и обставлен, но Изабелла едва заметила это. Все время с тех пор, как он сказал о ребенке, она пребывала в состоянии шока. Как это могло быть, что у нее родился ребенок, но она этого не помнит?

Но пока голос разума твердил, что такого не может быть, сердце и интуиция шептали ей, что два года назад с ней что-то произошло и что автомобильной аварией объясняется далеко не все.

Поэтому она поехала вместе с Аданом. Она позволила ему подвезти ее домой, где собрала чемодан и объявила квартирному хозяину, что будет в отъезде пару недель. Адан нетерпеливо ждал ее, не произнося ни слова, пока она собиралась в дорогу. Он осматривал маленькую квартирку с таким видом, словно ужасался. Он же был принцем Джафара, а принцы не живут в квартирах-студиях размером чуть больше коробки из-под обуви.

Они в молчании приехали в аэропорт, взошли на борт изящного бизнес-джета «боинг» и вылетели в Джафар. Теперь они были где-то над Тихим океаном. Изабелла сидела в кожаном кресле с откидной спинкой, уставившись во тьму иллюминатора. Перед ней на маленьком столике стоял нетронутый стакан с соком папайи. Она дрожала от холо-

да, хотя, кроме джинсов и футболки, на ней был еще легкий джемпер.

– Не желаете ли плед, госпожа? – обратился к ней один из стюардов.

– Да, спасибо, – ответила Изабелла.

Ее голос звучал тихо, словно издалека. Стюард вернулся с пледом и подушкой. Изабелла закуталась в плюшевую материю. Плед был толстым, мягким и приятно пах чем-то пряным.

Спустя короткое время Адан опустился в кресло напротив. Они еще не виделись с тех пор, как поднялись в воздух. Он сослался на дела и скрылся в своем кабинете. Теперь он принес с собой пачку бумаг. Его взгляд беспокоил Изабеллу. Она не могла понять, был ли их поцелуй в баре тому причиной, или просто своим взглядом он задевал какую-то струну внутри ее. Или, может быть, потому, что он ее презирал.

– Ты не притронулась к своему бокалу, – сказал он.

– Мне не хочется пить.

Она опустила глаза и внезапно поняла, что так и не смыла свой сценический грим. Она забыла умыться в спешке, когда старалась побыстрее собрать чемодан и переодеться. Изабелла чувствовала, что ей стоит поторопиться.

– Я подумал, что ты захочешь взглянуть на это, – сказал он, протягивая ей бумаги.

Она осторожно взяла их, не вполне уверенная, что хочет прочесть, но понимая, что должна. Потому что хочет знать

правду. Ее сердце часто забилося.

Первой она взяла вырезку из газеты «Аль-араб Джафар». Заголовок гласил: «Принц женится на дочери известного бизнесмена». Там была фотография ее и Адана вместе. Он был очень красив в традиционной одежде, с церемониальным оружием на поясе. У него был очень торжественный вид.

Несомненно, так и было. На фотографии она улыбалась, но счастливой не выглядела. На ней была шелковая насыщенного шафранного цвета абайя, расшитая бусинами, и хиджаб из тончайшей материи, ниспадавший с головы красивыми складками.

Она подняла голову, заметив, что Адан внимательно смотрит на нее. Он властно расположился в кресле, опираясь рукой о подлокотник и рассеянно потирая указательным пальцем нижнюю губу. Его глаза ничего не упускали из виду.

Изабелла переложила статью в низ стопки. От следующей вырезки сердце чуть не выскочило у нее из груди. Это было объявление о рождении ребенка. Рафик ибн Адан аль-Дакир родился четвертого апреля.

Слезы подступили к ее глазам. Она крепко прикусила губу, чтобы не расплакаться. Ей хотелось оттолкнуть бумаги прочь, просить его, чтобы он унес их. Но она сжала зубы и сказала себе, что пройдет через это. Все, что она знала о своей жизни, во что она верила, теперь разлетелось на осколки. Она была совершенно не тем человеком, кем считала себя.

Она была этой женщиной, принцессой Изабеллой аль-Дакир, у которой были муж и ребенок. Которая должна была бы наслаждаться своей прекрасной жизнью и которая вместо этого сидела здесь, в этом кресле, одинокая и разбитая.

Когда она разворачивала следующую газету, ее пальцы дрожали. В этой статье сообщалось о ее исчезновении из дома отца, которого она отправилась навестить вскоре после рождения сына. Свидетели сообщали, что она ушла в пустыню. Из-за песчаной бури начало поисков пришлось отложить на три дня. Когда буря утихла, ее следы полностью исчезли.

Изабелла вспомнила дом отца на границе пустыни Джафара. Вблизи дома, построенного на краю самой жаркой и бесплодной земли, был бассейн, фонтаны и лужайки.

Неужели она и вправду отправилась по своей воле в пустыню?

Четвертая статья снова заставила ее застыть в недоумении. Это было небольшое сообщение в пару абзацев. Слова траурно чернели на белой бумаге. «Мертва...»

Она поспешно перешла к следующей странице. Брачный контракт, в котором было записано все, о чем договорились ее отец и Адан. Она не стала его читать.

Изабелла закрыла глаза, уронила бумаги на столик и зажала руки между коленями, чтобы он не видел, как они дрожат. Она действительно его жена. Мать его ребенка. И она ничего об этом не помнит. Изабелла изо всех сил старалась вызвать в памяти образ ребенка на руках, но не смогла.

Что же с ней произошло? Как могла мать забыть про своего дитя? Она откинулась на спинку кресла и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Нет, она не может расплакаться на его глазах. Не может показать свою слабость.

– Ты все еще хочешь отрицать? – спросил Адан.

Она покачала головой. Она боялась, что заплачет, если заговорит.

– Почему ты так поступила, Изабелла? Почему ты бросила своего грудного сына? Неужели ты ни разу о нем не подумала?

Она не сразу нашла силы, чтобы ответить.

– Я ничего не помню, – выдавила она из себя. Ее голос был еле слышен. – Я ничего не помню о том... О той ночи, про которую написано в газете.

Она думала, он будет требовать, чтобы она перестала лгать. Но он лишь вздохнул, глядя куда-то мимо нее. Потом снова перевел на нее пристальный взгляд:

– Тогда расскажи о том, что ты помнишь. Расскажи, как ты очутилась на Гавайях.

Изабелла хотела было воспротивиться этому допросу, но у нее не хватило сил. Она была слишком опустошена.

– Сначала я была в Джафаре, а потом жила у мамы в Северной Каролине, – сказала она, плотнее кутаясь в плед. – Я не помню ни того, когда я уехала, ни того, как добралась туда. Папа говорит, что это из-за несчастного случая. Потому что я сильно повредила голову в аварии и пять недель про-

лежала в коме. Я не помню сам несчастный случай, доктор сказал, что это обычное дело. После этого я жила у матери, пока окончательно не выздоровела, а потом уехала, чтобы жить самостоятельно.

– Ты не захотела возвращаться в Джафар?

– Честно говоря, нет. Я подумывала об этом время от времени, но папа настаивал, чтобы я оставалась в Штатах. Он говорил, что все равно проводит все свое время в поездках, так что мне нет смысла там оставаться.

– Гавайи далековаты от Северной Каролины, – задумчиво проговорил Адан.

– Я скучала по морю, по пальмам. Я поехала на Гавайи отдохнуть ненадолго, но в результате осталась там жить.

– Зачем ты сменила имя?

– Я не меняла. Белла Тайлер – это сценический псевдоним, – ответила она, не желая признаваться, что просто пыталась почувствовать себя по-другому. Более уверенной. Менее одинокой.

– Почему ты пела в клубе, Изабелла? Ты нуждалась в деньгах?

Он явно сделал такое заключение, основываясь на размерах ее квартиры, хотя для Мауи она была совершенно нормальной. И стоила дороже, чем он мог себе представить.

– Нет, отец присылал мне достаточно. Но однажды я спела на конкурсе караоке, просто так. И вскоре уже выступала на сцене.

Его чувственный рот презрительно скривился.

– Певица в баре, – проговорил он.

Изабеллу укололи его слова.

– Мне нравится петь. Мне всегда это нравилось. И я делаю это хорошо, – сказала она с гордостью.

– Я никогда не слышал, как ты поешь, до вчерашнего дня.

– Я часто пела у папы в доме, когда росла. Но только для самой себя. Если я никогда не пела при тебе, наверное, я боялась, что ты не одобришь.

– Я, может быть, одобрил бы, – мягко произнес он.

– Наверное, я просто так думала.

Изабелла комкала плед. Этот разговор казался ей странным. Она была замужем за этим человеком, и все же он был для нее чужим. Они были незнакомцами друг для друга.

– Наверное, мы не слишком много времени проводили вместе, – рискнула предположить Изабелла.

– Достаточно. – Его глаза внезапно ярко загорелись.

Изабелла потупилась, надеясь, что не покраснела. Очевидно, что она не была девственницей, но все же она не могла припомнить их первый раз. Она вообще ничего не могла вспомнить об их интимной жизни.

– Сколько мы были женаты до... до ребенка?

– Ты забеременела через месяц после свадьбы. А исчезла через месяц после того, как родился Рафик.

Изабелла приложила руку к животу под пледом. Ей трудно было представить, что она когда-то была беременна.

– Значит, мы не прожили вместе и года.

Адан покачал головой:

– Получается, так.

Она пыталась осознать. Они действительно были женаты. Он не подделал документы. Статьи были настоящие. Гораздо вероятнее, хотя это было труднее принять, что родители обманули ее. Вряд ли все это организовала мать. Впрочем, она без труда поддерживала обман. Но придумал все это именно отец, в этом она не сомневалась.

Изабелла не могла понять, почему Адан жестоко с ней обращался? Может быть, он бил ее? Может быть, отец ее просто защищал? Поразмыслив, она решила, что дело не в этом. Да, он вел себя с ней презрительно и свысока. Но он ни на миг не дал ей предположить, что может причинить ей боль или ударить. Если бы она этого боялась, то не сидела сейчас с ним в его самолете. По крайней мере, по доброй воле.

Ей было неудобно в его присутствии, но не из-за боязни. Изабелла прижала пальцы к виску. Ей столько нужно было осмыслить.

– У тебя голова болит? – внезапно спросил Адан.

– Да, – неожиданно для себя ответила она. Она так сосредоточилась на происходящем, что не заметила, как в висках запульсировала боль. Скоро она перейдет и на другую половину головы. А Изабелла забыла лекарство от мигрени на кухонной стойке. Мигрени были у нее нечасто, но, когда они все-таки случались, приятного было мало.

Адан нажал кнопку на своем кресле, и немедленно появился стюард. Адан заказал стакан воды и обезболивающее. Она проглотила принесенные таблетки, хотя сомневалась, что они помогут.

– Наверное, тебе стоит прилечь, – сказал он. – В хвосте самолета есть спальня и ванная комната, там ты сможешь умыться.

Ей нужно было поспать, но она не могла.

– У тебя есть его фотография? – спросила она Адана.

Его губы сжались. Потом он достал телефон, нажал несколько кнопок и протянул Изабелле. У нее перехватило дыхание.

Малыш, смотревший в камеру, был очаровательным. Она всматривалась в его лицо. У него были темные волосы Адана и его глаза, но подбородок и форма носа, несомненно, были ее. Слеза скатилась по ее щеке.

– Ему сейчас два года?

Адан кивнул и потянулся за телефоном. Ей хотелось смотреть на фотографию снова и снова.

Сколько же она пропустила. Его первые шаги, первое слово. Она закрыла лицо ладонью. Голова раскалывалась от боли. Желудок охватили спазмы. Трудно сказать, была тому причиной головная боль или душевное потрясение, но ей стало плохо.

Изабелла вскочила. Адан поднялся с грацией ягуара.

– Что случилось? – нахмурился он.

– Мне нужно... в ванную комнату.

Адан показал, куда идти, и Изабелла пулей вылетела из салона. Она еле успела добежать до туалета, и ее стошнило. Когда она наконец смогла выпрямиться, то увидела свое отражение в зеркале. Вид у нее был ужасный. Она была похожа на девочку, которая добралась до маминой косметички ихватила макияжа через край, пытаясь выглядеть взрослой.

Изабелла открыла краны и пустила воду. Краны были бронзовые, роскошные, совсем не такие, как те, которые стоят в обычных самолетах. Она тщательно умылась. Когда она терла лицо, из глаз полились слезы. Сначала она пыталась остановиться, но потом позволила себе выплакаться. Здесь ее никто не услышит и не увидит.

Она терла и терла лицо, словно могла смыть два последних года и в то же время очистить память от черной завесы, скрывавшей воспоминания. Голова продолжала раскалываться от боли, но она все терла и плакала до тех пор, пока косметика не была смыта, а слезы не иссякли.

Она надеялась, что Адана не будет, когда она вернется в салон, что он уйдет к себе в кабинет или ляжет спать в одной из кают, но ей не повезло.

Он поднял глаза, когда она появилась. Выражение его лица не изменилось, но она была уверена, что он не пропустил ни малейшей детали. Вид у нее был ужасный. Кожа лица покраснела. Веки еще опухли от плача, но это должно было вскоре произойти.

– Ты заболела? – спросил он.

– Это все мигрень, – ответила она, пожимая плечами. – Когда со мной мое лекарство, все не так страшно, но когда его нет...

– Ты не захватила его с собой?

– Да, мне было немножко не до него.

– Скажи, как оно называется, – решительно произнес он, – и оно будет ждать тебя, когда мы прилетим в Джафар.

Она сказала название, а потом села, съжившись в кресле.

– Тебе надо лечь.

Она вяло махнула рукой:

– Мне сейчас не дойти, я лучше тут останусь, если ты не против.

Он встал и, прежде чем она поняла, что он хочет сделать, подошел и взял ее на руки. Она попыталась воспротивиться, но голова болела слишком сильно, и не было сил.

Он был теплым, крепким и сильным. Очутившись у него на руках, она в первый раз за несколько лет ощутила себя защищенной. С ним было спокойно, безопасно.

И все же это ощущение было иллюзорным. Именно сейчас больше, чем когда-либо, ей нужно было оградить себя от переживаний. Именно сейчас она была особенно уязвима, потому что перенесла слишком много потрясений.

Она слышала, как бьется его сердце под ее ладонью, вдыхала восхитительный пряный аромат его тела. Он отнес ее в хвостовую часть самолета, в комнату, где была двухспальная

кровать. Постель была уже приготовлена, свет был мягким, приглушенным.

Он опустил Изабеллу на кровать, и она растянулась на ней прямо в джинсах. Адан снял с нее туфли и укрыл ее покрывалом. Она прикрыла глаза, не в силах смотреть на его заботу. Она не верила, что он искренне о ней заботится.

– Засыпай, Изабелла, – сказал он.

– Адан, – позвала она, когда он был уже около двери.

– Что?

Она не сразу заговорила. Слезы подступали к горлу.

– Мне очень жаль, что так получилось.

Он еле заметно наклонил голову, а затем вышел.

Адану не спалось. Он ворочался, то натягивая на себя одеяло, то снова срывая. Он воображал, как в соседней каюте, раскинувшись под покрывалом, мирно спит Изабелла.

Когда она вышла из ванной, он был поражен выражением ее лица. Было очевидно, что она плакала. Кожа покраснела от горячей воды, но нос был краснее щек, а глаза заплаканы. Она выглядела так, словно горела в адском пламени своих переживаний.

Может быть, так оно и было? Она была ошеломлена, увидев статьи об их свадьбе, о Рафике, о ее смерти.

Адан сел и подпер подбородок. Нет, в его сердце нет места для сочувствия. Ему нужно сделать то, ради чего он приехал на Гавайи. От этого зависело благополучие его страны и сы-

на. Он не станет рисковать счастьем Рафика. Да, Изабелла – его мать, но разве она хорошая мать? Она бросила своего ребенка. Даже если она действительно не помнит этого, она это сделала. И тогда она отдавала себе отчет в своем поступке. Не важно, действительно она ушла в пустыню или же она выдумала это. Что бы ни произошло на самом деле, ей помог отец.

Очень скоро он разберется с Хасаном Маро. А сейчас нужно решить вопрос с Изабеллой.

Адан отбросил покрывало в сторону. Какой смысл лежать без сна в кровати... Он принял душ и побрился, а затем надел белую дишдашу и традиционную темно-красную куфию.

Новая смена стюардов готовила завтрак в камбузе. Увидев Адана, они немедленно оставили работу и стали кланяться ему. Он еще не мог к этому привыкнуть. Когда он был принцем, ему полагались поклоны и прочие знаки уважения, но не такие, как теперь, когда он стал королем. Адан испытывал нетерпение, но понимал, благодаря наставничеству Махмуда, что для людей до сих пор важны эти церемонии. Это создавало необходимую дистанцию. В Джафаре большинство до сих пор чтит древние традиции.

– Угодно ли кофе вашему величеству? – обратился к нему молодой стюард.

– Да, спасибо, – ответил Адан. – Принесите его в мой кабинет.

Кабинет был просторным, с большим деревянным пись-

менным столом. Компьютер загрузился быстро, Адан проверил почту. Потом открыл поисковую систему и напечатал запрос: «Избирательная амнезия».

Адан выпил принесенный кофе, читая про виды амнезии и множество других расстройств. Оказалось, такое хоть и редко, но бывает, когда забывается определенный человек и все, что с ним связано. Может быть, Изабелла прочитала про это и решила использовать? Нет, тогда она должна была заранее знать, что он приедет.

Адан нахмурился. Как бы там ни было, а он настоит на том, чтобы по прибытии ее обследовал врач.

Он позвонил своему помощнику в Джафар и приказал вызвать Хасана Маро во дворец на следующий день и найти специалиста-психиатра.

Пока он звонил, пришло письмо от Жасмин. Он прочел послание, написанное в шутовском тоне, о трудностях, связанных с примеркой свадебного платья, и о приготовлениях к праздничному банкету. Адан почувствовал укол вины. Он не сказал Жасмин, куда он летит и зачем.

Он и Жасмин знали друг друга с детства. Между ними никогда не было ни искорки романтических чувств, но они очень тепло относились друг к другу. Она была доброй, мягкой и должна была стать прекрасной матерью и Рафику, и их будущим детям. Жасмин была надежным человеком.

Адан поработал еще немного, завтракая прямо за письменным столом, а затем прошел в салон и обнаружил там

Изабеллу, которая сидела на том же месте, что и вчера, вытянув и скрестив изящные длинные ноги. Она была погружена в чтение бумаг, которые он показывал ей накануне.

Она подняла глаза и поздоровалась с ним без улыбки, которой раньше всегда встречала его. Она ничем не напоминала ту девушку, на которой он когда-то женился. Та была послушной, безответной и мило невинной. Ему пришло в голову, что она ничем не напоминалась, была чем-то привычным, словно предмет обстановки, на который не обращают внимания.

Женщина, сидевшая перед ним, была чувственной, загадочной и какой угодно, только не покорной.

В ней был огонь, которого он раньше не замечал. И он не мог не думать об этом. Ее лицо, лишённое макияжа, было чистым, словно у ангела. Волосы были все такими же непослушными, цвета темного золота с переливами, и это не была заслуга парикмахеров. Раньше он видел ее только с прямыми локонами, собранными в пучок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.